

Цзи Цинбай сидел во дворе, распахнув одежду, и грелся на солнце. Хотя прошлой ночью у него шла кровь горлом, это нисколько не омрачило хорошего настроения Бай Чао.

Будда наконец-то спал с ним на одной кровати! Цзи Цинбай внутренне ликовал. Близость во сне действительно приносила пользу: масло в светильнике его божественного начала сейчас было чистым и питающим, даже душа стала стабильнее. Если бы так можно было спать полгода, разве возвращение в мужское тело не стало бы вопросом ближайшего времени?

Цзи Цинбай предавался прекрасным мечтам, когда служанка рядом снова поднесла ему чашу с лекарством. Цзи Цинбай не колеблясь, отпил глоток, но вдруг замер.

Выражение его лица стало неопределенным, и он невнятно пробормотал:

— Почему вкус снова изменился...

Служанка услужливо улыбнулась:

— Разве госпожа вчера не кашляла кровью? Узнав об этом, матушка перепугалась до полусмерти и поспешила снова пригласить лекаря, чтобы тот составил более эффективный укрепляющий рецепт.

Цзи Цинбай посмотрел на неё, промолвил «А» и снова опустил глаза на чашу.

Служанка подгоняла:

— Госпожа, пейте скорее, не ждите, пока лекарство остынет.

Цзи Цинбай не сказал ни слова. Поднеся край чаши ко рту, он медленно, но до конца выпил всё до капли.

На этот раз укрепляющее лекарство, казалось, действительно подействовало лучше предыдущего. По крайней мере, тело Цзи Юй больше не исторгало кровь.

Однако каждый раз, принимая лекарство, Цзи Цинбай испытывал сложные чувства. Насчет того, в чем именно заключалась их сложность, сейчас он не мог сказать точно.

С тех пор как у Тань Чжана прекратились приступы, женщин во дворце постепенно становилось всё больше. Видимо, видя, что император больше не убивает без разбора, Цзи Цинбай иногда встречал в Саду Золотого Пруда разноцветных пёстрых бабочек. Среди бабочек были и смелые, и робкие. Цзи Цинбай, находясь среди женщин, тратил немало божественной силы, гадая красавицам на судьбу, но так и не смог вычислить, какая из них связана с императором.

Цзи Цинбай гадал всё с большим огорчением, раздумывая, не пригласить ли через некоторое время, когда божественная сила немного возрастет, божеств земли и лунного старца, чтобы они совершили обряд и насильно связали красной нитью...

Конечно, думать — это одно, а Цзи Цинбай не осмеливался так поступить. Шутка ли, Будда ведь не останется здесь навсегда. Как только его изначальный дух вернется на место, и он, управляя шестью мирами Обители Будды, узнает, что Цзи Цинбай осмелился в Нижнем мире сватать его как попало, то, наверное, выдернет у него всю гриву.

Охваченный глубокой печалью о своей гриве, Цзи Цинбай закончил трапезу в своих покоях. С

наступлением холодов ночи приходили рано, и, закончив омовение, Цзи Цинбай поспешил лечь в кровать и закутаться в одеяло, так что даже не спустился встретить императора, когда тот прибыл.

Цзэн Дэ снял с императора плащ, всё время краем глаза поглядывая на Цзи Юй. Он думал, что эта наложница действительно пользуется огромной милостью и бесстрашна до наглости.

Самое удивительное, что Тань Чжан, казалось, не возражал. С бесстрастным выражением лица он махнул рукой, отпуская всех прислужников.

Цзи Юй боялась холода, поэтому вокруг кровати висели плотные занавеси. Тань Чжан приподнял одну сторону рукой и, просунув внутрь половину тела, впустил струю холодного воздуха.

Цзи Цинбай аж присвистнул и поспешно потянул его к себе:

— Холодно же!

Тань Чжан ничего не сказал, лишь взглянул на него, снял обувь и взошёл на кровать.

Неизвестно, с каких пор император перестал ночевать в Чертоге Юйлун. Словно монах, распробовавший мясо, он ночь за ночью оставался в Павильоне Кошмаров у Цзи Юй.

Цзи Цинбай в три счета помог ему снять драконьи одежды, откинул одеяло и укутал себя и императора вместе. Холодные руки Тань Чжана под одеялом вдруг схватили его за ноги. Цзи Цинбай попытался вырваться, но не смог.

— Слишком холодно, — Цзи Цинбай вздрогнул от холода. — Сначала отпусти мои ноги.

Тань Чжан не отпускал. Он усмехнулся и спросил:

— Грелка?

Цзи Цинбаю пришлось уступить грелку, которую он прятал за спиной.

Эта грелка была весьма искусной: не только изысканно сделана, но и отлично сохраняла тепло. Говорили, что это дань с южных границ, редкая вещь, которую император и пожаловал Цзи Цинбаю.

Подарил вещь, а теперь ещё и отбирает, — мысленно роптал Цзи Цинбай, в душе ругая Тань Чжана за скупость.

Император обнял грелку, чтобы согреть руки, а затем снова схватил ноги Цзи Цинбая. Кровать была невелика, так что Цзи Цинбай, конечно, попался.

— О чём это ты меня в душе ругаешь? — Ноги Цзи Юй были очень маленькими, Тань Чжан мог охватить их одной ладонью.

Его только что согретье руки были тёплыми, прикасаясь к стопам Цзи Цинбая, отчего тому стало так тепло, словно вот-вот прорастут ростки.

Цзи Цинбай покорно опустил глаза:

— Ни о чём.

Тань Чжан, конечно, не поверил. Он смотрел на Цзи Юй некоторое время, пока внутренний пожар в его животе постепенно угасал.

Цзи Цинбай естественным образом обнял его, высвободив одну руку, чтобы провести его по вискам императора. Кончики пальцев были мягкими, давление — умеренным, он надавливал нежно, точка за точкой.

Тань Чжан закрыл глаза. Прождав довольно долго, он наконец медленно произнес:

— Через месяц будет зимняя охота.

Цзи Цинбай моргнул и поспешно сказал:

— Я поеду с тобой.

Тань Чжан вздохнул. Он скосил глаза, взгляд упал на лицо Цзи Юй, обвел его кругом и усмехнулся с насмешкой:

— Ты сейчас становишься всё более и более бесцеремонным.

Цзи Цинбай смутился. Он почтительно поднялся и встал на колени рядом, коснулся лбом дерева кровати, притворно покорным тоном сказал:

— Эта наложница желает следовать за Вашим Величеством, надеясь на ваше позволение.

Император не сразу согласился. Он лишь протянул руку и, словно глядя кошку, стал поглаживать Цзи Цинбая по задней части шеи. Спустя некоторое время, казалось, он наконец удовлетворился, и с удовольствием, но холодно произнес:

— Я разрешаю.

С момента восшествия на престол императора Цзинфэна развлекательные мероприятия, связанные с чувственными удовольствиями, резко сократились, зато охота год от года становилась всё более оживленной.

Зимой охотились в основном на медведей, оленей, волков и лис. Чем холоднее, тем лучше мех волков и лис, а медведи-шатуны как раз наедались до отвала. При удаче можно было поймать и медвежонка.

Императорская процессия была величественна, шатры занимали целый склон горы. Ещё находясь на Девяти Небесах, Цзи Цинбай считал, что в умении развлекаться людям нет равных. Будь то мелочные интриги или несметные богатства — всё это были проявления чувственных желаний живых существ. Таким же, как он, бессмертным, оставалось лишь пресное существование без особых радостей.

Стояла холодная погода, снега не было, но серые тучи клубились, и порывы ветра в лесу выли. Цзи Цинбай от шума ветра заложило уши. Цзэн Дэ ждал его у входа в шатёр, готовый проводить в императорскую палатку.

Цзи Цинбай завернулся в одеяло, как в кокон, и, выходя, даже наклониться считал обременительным.

Служанка поддерживала его и тихо сказала Цзэн Дэ:

— Госпожа только что приняла лекарство, ей нужно поспать.

Цзэн Дэ излучал подобострастную улыбку:

— В шатре Его Величества очень тепло, там вы будете спать лучше. К тому же там будет и врач Лу, он как раз сможет пощупать ваш пульс.

Цзи Цинбай уже следовал за ним к императорскому шатру, но эти слова вызвали у него недоумение:

— Зачем щупать пульс?

Цзэн Дэ бросил на него укоризненный взгляд, словно упрекая в недогадливости, и понизил голос:

— Вы и Его Величество уже столько времени вместе... Надо же проявить заботу, есть ли движение в животе или нет...

Цзи Цинбай на мгновение ошеломили слова «движение в животе», и он невольно опустил глаза, посмотрев на свой живот.

Цзэн Дэ, решив, что он заинтересовался, даже проникся гордостью и успокоил:

— Госпожа, не беспокойтесь. Хотя вы и молоды, но пользуетесь исключительной милостью Его Величества, непременно сможете родить наследника дракона.

Цзи Цинбай открыл рот. Ради репутации Тань Чжана он не мог сказать, что между ним и императором ничего не было. Если бы неосторожно просочились слухи, что император импотент... Цзи Цинбай снова невольно взглянул на свой живот, раздумывая, не сделать ли из женьшеня младенца, чтобы защитить чистую репутацию своего Будды.

Погружённый в хаотичные мысли, он дошёл до императорского шатра и обнаружил, что даже вспотел.

Тань Чжан в тот день сменил одежду на охотничью: белая нижняя одежда стянута золотой чешуйчатой броней, красный шёлковый плащ отложен в сторону. Волосы были убраны в пучок, а лицо прекрасно, как цветок, и нежно, как нефрит.

Цзи Цинбай не знал, каковы были боевые навыки его хозяина в этой жизни, но судя по той ловкости, с которой он убивал во время приступов, они должны быть неплохими.

Лу Чаншэн действительно был в императорском шатре. Увидев Цзи Цинбая, он выглядел особенно слабым и беспомощным. Тань Чжан же был бесстрастен, не обращая внимания на вошедшую Цзи Юй, и сосредоточенно натягивал тетиву на лук.

Цзэн Дэ проводил его к кушетке лохань в центре шатра. Лу Чаншэн, казалось, ждал уже давно и немедленно вынул платок, положил его на маленький столик. Цзи Цинбаю пришлось положить на него руку.

В шатре на некоторое время воцарилась тишина, лишь ветер выл над его вершиной.

Цзи Цинбай скучаяще поднял голову, ноги его тоже не сидели спокойно, он качал ими, поставив на скамеечку кушетки лохань. Лу Чаншэн, неизвестно сколько щупавший пульс, выглядел серьёзным, на лбу у него проступила тонкая испарина.

Тань Чжан поднял голову. Красный лотос в уголке его глаза скрывался в тени. Спокойно он спросил:

— Ну как?

<http://bllate.org/book/15582/1387555>